

НАТАША АЙВЕРС

Без памяти.
Без имени.
С волчком,
которого
должна спасти.

ОЧНУТЬСЯ
ВОЛЧИЦЕЙ

18+

Наташа Айверс

Очнуться волчицей

<https://litres.ru/74088093>

SelfPub; 2026

Аннотация

Светофор. Удар. Женский крик. Тишина.

Она помнит лишь вспышку фар, визг шин — и темноту. А очнулась в теле зверя. Вся в крови, со сломанными рёбрами и перебитыми лапами — в тесной клетке. В углу — мёртвая женщина. И волчонок: дрожащий комок, прижавшийся к ней.

Кто она? Откуда? Почему всё внутри рвётся защитить этого малыша, как родного?

За решёткой — голоса. Где-то рядом — выстрелы, звуки погони. Кто-то открывает дверь фургона. За ними пришли. Это — конец. Красная пелена перед глазами, чей-то предсмертный хрип. И вкус крови во рту. Нет — в пасти.

Она бежит. Сквозь боль, страх и снег. На одних инстинктах. В зубах — волчонок. Её? Чужой? Она не знает.

Но точно знает одно: она его спасёт, чего бы ей это ни стоило.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	18

Наташа Айверс

Очнуться волчицей

Пролог

Волчица

Первое, что я осознала, попытавшись открыть глаза — во-круг царила непроглядная темнота. Не такая, как в комнате без света, а густая, вязкая как бездна без пространства и времени.

Звук пришёл раньше, чем боль. Сначала он был слабый, будто кто-то скрёб острыми когтями по металлу. Потом он стал громче и навязчивее. И вдруг до меня дошло: это было похоже на детский плач, но тихий и хриплый, как у малыша, который надрывался слишком долго и у которого почти не осталось сил.

Пuls бился в висках, с каждой секундой становясь всё громче. Паника нарастала. Я будто тонула и казалось вот-вот вдохну воду полной грудью. Я попробовала пошевелиться и вдруг почувствовала, как что-то липкое стягивает кожу. Нет, не кожу. На моём теле было что-то мягкое, плотное и чуть влажное. Что это?

Шерсть?!..

Холодный ужас обрушился на меня лавиной. Я задрожала

всем телом и судорожно попыталась вдохнуть, только сейчас понимая, что всё это время не дышала. Жадный глоток воздуха, и грудная клетка вспыхнула болью. Что-то внутри с хрустом сместилось. Внутренний голос подсказал мне, что, скорее всего, у меня были сломаны рёбра.

Попытка вздохнуть превратилась в судорожный хрип. Звук, который я издала, получился каким-то чужим. Моё дыхание было тяжёлым, сиплым, рваным, как будто даже и не человеческим.

Я попыталась выпрямиться, но тут же осела от боли в задней лапе. У меня что, лапы?! Дыхание перехватило от ужаса. Ещё секунду назад я была уверена, что я — человек, а теперь у меня оказывается были шерсть и лапы? Я с трудом разлепила веки, перед глазами всё плыло. Надо мной — решётка. Пахло Боже, как же отвратительно здесь пахло.

Запах ржавчины с железным привкусом напомнил мне запах крови и чего-то ещё. Я никак не могла понять, что это был за запах Разложения? «Смерть,» — вновь подсказало моё подсознание. Ею пахло повсюду: от пола, прутьев, даже от моего тела. Сильнее всего запах ощущался слева от меня. Я повернула голову. Рядом со мной лежала женщина, её лицо было покрыто смертной бледностью, глаза полуприкрыты. Живота у неё не было — только тёмное пятно. «Выстрел,» — жуткая догадка прозвучала в моей голове. Да, наверное, эта дыра с запекшейся кровью в животе, была следствием выстрела. Её рука лежала, протянутая ко мне, и она

сжимала мою лапу. Я зажмурилась, пытаюсь поймать ускользающую мысль. Кто она? Кто я?

Где я?..

Я моргнула снова, пытаюсь дышать спокойно в надежде вспомнить, как я тут оказалась. В помещении было темно, но я почему-то знала, что на улице светло. Я чувствовала под боком холод металла. Я лежала на боку в фургоне в большой металлической клетке? Попытка пошевелиться вызвала вспышку боли в задних лапах. Одна из них не слушалась. Как и тело в целом, оцепеневшее, разбитое и какое-то чужое.

Я дёрнулась всем телом. Резкая боль пронзила плечо, я вскрикнула в мыслях. А из пасти вырвался сиплый рык. Череп будто сжало в тисках. В голове раздавался шум прибора, который накатывал волнами, сметая мысли.

— Я не волк. Я — человек. И у меня есть имя — с трудом проговорила я в мыслях.

Но, как ни странно, своего имени я вспомнить не смогла. Я пыталась снова и снова. Ведь что-то было до этой клетки, до этого ужаса, до того как появилась шерсть на моём теле?

Я вспомнила свет фар, которые били в глаза, ослепляя. Да, уже что-то. Потом раздался визг шин и меня охватил страх. Помню чей-то крик, высокий и пронзительный, похожий на женский. Интересно, чей он? Мой?

И — всё, дальше — только боль и вязкая засасывающая темнота, в которой не было ни единого просвета.

Вернувшись из воспоминаний, я начала дрожать то ли от

боли, то ли от ужаса, вжимаясь в пол, словно пытаюсь стать меньше. Пульс в висках грохотал, как молот. Я чувствовала, как металл холодит бок и что-то липкое, горячее — кровь — стекает по морде и лапам. Чья это кровь? Моя или женщины, что лежала слева от меня? Паника накрыла, захотелось снова впасть в забытие и проснуться в тепле и уюте собственной кровати, но какой-то тонкий, зудящий на периферии сознания звук не давал мне снова отключиться. Я вспомнила, что именно он меня и разбудил. Прислушалась. Слабый, хриплый скулёрж доносился откуда-то у меня из-под бока.

Я подняла голову и чуть наклонила её в попытке рассмотреть, что там такое живое копошится под боком. «Этим» оказался совсем маленький щенок — живой комочек тёплой шерсти, вжавшийся в меня. Он дрожал и дышал слишком быстро, изредка поскуливая.

Я медленно приподнялась, отмечая про себя, что рёбра болели немного меньше и я уже могла двигать сломанной лапой. «Регенерация,» — мгновенно вспыхнула в голове догадка. Я прижалась к щенку, обнимая его лапами. Хотелось его полизать, но я подавила в себе это желание. Однако всё же поддалась какому-то инстинкту и уткнулась мордой ему в макушку. Он затих. В его запахе было что-то знакомое.

Кто он?

Кто я?

Голова раскалывалась, и я отбросила попытки разобраться в сумбуре мыслей и догадок. Просто прижала волчонка

ближе. Он затих после того, как я его обняла, и, кажется, обессиленный долгим плачем, задремал. Моё тело прикрывало его, как щит. Я не знала, чей он. Но знала одно: пока я жива, он тоже будет жить.

Я провалилась в сон. В этот раз он был не такой тяжёлый. И он принёс облегчение, словно моё тело только того и ждало, чтобы начать набираться сил. Не знаю, сколько прошло времени, но когда очнулась снова, откуда-то знала, что снаружи ночь. Щенок мирно посапывал, уткнувшись мордочкой мне в живот.

Я прислушалась к звукам, что меня разбудили. Снаружи доносились мужские голоса, громкие и грубые. Я не могла разобрать слов, но, судя по тону, они ругались и спорили. А потом раздался звук, который прошёлся по нервам раскалённым железом. Я узнала его ещё до того, как подсознание подсказало: «Щелчок затвора.»

Когда снаружи раздался выстрел, волчонок вздрогнул, но не проснулся, а я замерла. Внутри меня всё сжалось, как тугая пружина. «Идут. За нами. Готовься.»

Я медленно высвободилась из объятий волчонка. Он тихонько заскулил, но не проснулся. Дверь открылась с надсадным скрипом. Я напряглась, мышцы под кожей натянулись, словно стальные канаты. Боль пульсировала в лапах и боку, но отступила перед волной моей ярости. Глаза различали всё, до последней складки на одежде людей. Странно — ночь, а я видела всё так ясно, будто сейчас был день. Кажет-

ся, даже лучше, чем видела когда-либо раньше. Я увидела человека с оружием в руках и не дала ему времени поднять пистолет, чтобы прицелиться. Я не думала — просто прыгнула вперёд. Не на руку, как, наверное, сделал бы человек, а прямо на грудь, вонзив зубы в незащищённое горло. Плоть рвалась под моими зубами. Горячая кровь выстрелила мне в пасть — тёплая, страшно вкусная. Он захрипел, уже падая, а я оттолкнувшись от него лапами, развернулась и прыгнула на следующего.

Раздался выстрел.

Боль обожгла бок, будто туда вонзили раскалённый гвоздь. Я вскрикнула — нет, зарычала — и прыгнула снова. Пасть смыкалась на горле, зубы ломали кости шеи, вырывая ещё живую плоть кусками. Я слышала, как кто-то орал, кто-то стрелял наугад, но я не чувствовала страха. Только жгучую ярость за женщину, за волчонка и за себя.

Очередной выстрел прозвучал слишком близко. Я споткнулась, но снова прыгнула вперёд, чувствуя себя непобедимой как сама смерть. Ударившись всем телом о человека, что стрелял, и почувствовала хруст его рёбер, услышала крик его боли и краем сознания отметила, что у этого человека запах был другой. Странно. Он пах как свой, как я. Мы вместе упали в снег, который хрустел на зубах, забиваясь в глаза и ноздри. Я попыталась добраться до его горла, пока не стало трудно дышать. Мир подёрнулся дымкой, лапы подогнулись. Пульс грохотал в ушах. Перед глазами всё расплы-

лось. Я услышала, как кто-то застонал, но не понимала — это он или я.

Постепенно звук стал отдалялся. Видимо, ему удалось уйти. Я прислушалась. Вокруг стояла тишина, нарушаемая лишь предсмертными хрипами умирающих. Я уронила голову на снег. Перед глазами была красная пелена, но я знала, что волчонок будет жить. Сознание угасало, и я, наконец, провалилась в темноту. Последняя моя мысль была: «Я смогла.»

Глава 1

Волчица

Над ухом раздавался тонкий, зудящий звук, раздражающий, как назойливый комар. Я приоткрыла один глаз и поняла: это был не писк, а еле слышное поскуливание волчонка. Почему-то в его скулёже отчётливо слышалась просьба: «проснись... ну же, вставай.» Он щекотно вылизывал мне морду мокрым и немного шершавым языком, прерывисто дыша. Я откуда-то знала, что у волков, как и у собак, нос должен быть холодным и мокрым. Это признак здоровья.

А у него нос... был тёплый. Даже горячий. И сухой.

Он тёрся лбом о мою морду, лизал меня, тыкался, будто проверял: точно ли я жива?

Кажется, жива.

Я пошевелилась, и всё тело взорвалось болью.

Бок горел огнём. Дыхание перехватило, и я едва не захлебнулась собственным хрипом. Перед глазами заплясали чёрные точки. Я повернулась и легла на живот, прижавшись мордой к земле — холодной, твёрдой, насквозь замороженной.

Нос уткнулся в чистый белый снег — свежий, хрустящий.

Не раздумывая, открыла пасть и начала его заглатывать. Жадно, быстро, как зверь. Снег растекался по горлу ледяными каплями, обжигая, но вместе с тем будто оживлял и при-

носил облегчение. Я понимала, как это выглядит со стороны. Дико, по-звериному. И всё же не останавливалась.

Волчонок, заметив, что я пришла в себя, тут же лёг рядом и прижался ко мне, дрожа всем телом. Наевшись снега, я открыла глаза.

Было ещё темно, но ночь была уже не такая глухая, как раньше. Тьма поредела — в ней проступали очертания: деревья, кусты, какие-то силуэты.

Где-то неподалёку возвышалось что-то крупное — железное, угловатое. «Фургон,» — догадалась я. А вокруг него прямо на земле — люди. Или то, что от них осталось. От фургона тянуло резким, тяжёлым запахом — кровью и смертью.

Я с трудом поднялась. Ощущение было такое, словно к каждой лапе привязали по булыжнику. Всё тело ломило, в боку горело, в голове звенело, перед глазами плыло.

Волчонок попытался было подняться следом, но я тихо, предупреждающе рыкнула:

— Оставайся здесь.

Он замер. Неужели понял? Не знаю, как волки общаются между собой, но, надеюсь, этот сообразительный.

Место, где мы лежали, напоминало неглубокую ложбину у края заброшенной дороги. Наверное, именно сюда я скатилась, когда сцепилась с тем последним. Тот, что пах... странно. Помню, как он меня душил, а я рвала его плоть, пытаюсь добраться до горла. А потом — темнота.

Волчонок прижал уши и тихонько всхлипнул, глядя мне вслед, но не сдвинулся с места.

Я медленно обошла фургон по кругу, стараясь не наступать на снег, слипшийся от крови, и запрыгнула внутрь. Тело женщины всё так же лежало неподвижно: рука, протянутая в ту сторону, где я лежала с волчонком, полузакрытые глаза. Я наклонилась ближе — дыхания не было, она была мертва. Взгляд зацепился за беспорядочную кучу в углу клетки: сапоги на высоком каблуке, пальто, джинсы, розовая кружевная ткань. Я как будто узнала их, но времени рассматривать их не было. Я не за этим сюда пришла. Что-то во мне толкало вперёд — мысль, неоформленная, ускользающая. Я искала... что? Средство связи? Слово не вспоминалось, но внутри жило стойкое ощущение, будто где-то здесь должна быть вещь, чтобы звать на помощь. Я обшарила пол, заглянула в темноту за клеткой. Пусто. Нужной мне вещи нигде не было.

Выбравшись наружу, я вдруг остановилась. Водитель. Фургон ведь не ехал сам по себе. Где он? Я вскинула голову, прислушиваясь.

Тишина. Ни голосов, ни шагов. Только далёкий шорох ветра в ветвях деревьев в лесу. Шерсть на загривке встала дыбом, как от удара током. Хвост дёрнулся и сам собой прижался к боку, а тело напряглось. Я осторожно обошла фургон, поджав уши, и, затаившись в тени, заглянула в кабину.

Дверь была распахнута. С водительского сиденья свешивалось тело мужчины. Из аккуратного отверстия во лбу сте-

кали редкие капли крови, падая в снег. Вот и ответ на вопрос — что то был за выстрел, что я слышала в фургоне.

Я вернулась к тому месту, где ждал волчонок, и прошла по кровавым следам, что вели прочь. Они довели меня до отпечатков широких шин. Вероятно, тому последнему удалось уехать. А значит, за нами вернуться.

Надо было уходить.

Когда подошла к волчонку, он приподнялся и потянулся ко мне, уткнувшись мордочкой в шею. Маленький, тёплый комочек. Такой слабенький... и, кажется, заболевший: нос у него был всё таким же сухим и чуть горячим. Как он пойдёт по такому снегу?..

«Как же тебя тащить, малыш? На спине, что ли?..» — подумала я, глядя на него с растерянностью. Представила это, и внутри вдруг кто-то негромко, насмешливо фыркнул. Я вздрогнула.

«В зубах», — донеслось откуда-то из глубины сознания.

Я застыла.

«О Боже... я что, схожу с ума?..» — начала озираться я. — «Я слышу голоса?.. Эй, ты... тут?.. Отзовись... Кто ты?»

В ответ — тишина. Ощущение чужого присутствия пропало. Я снова прислушалась, но внутри и снаружи было... пусто. Я выдохнула, чувствуя, как сердце снова начинает биться ровнее. Значит, ещё не всё потеряно. И я не схожу с ума.

Я встала, медленно потянулась — рёбра хрустнули, боль

отозвалась в боку, но уже терпимо. Я всё же волчица, дойду. Я подхватила волчонка, взяла его в пасть — осторожно, но он отреагировал совершенно спокойно. Видимо, это было не в первый раз.

Но стоило мне сделать первый шаг, как я снова насторожилась и замерла. Что-то толкнуло изнутри: «Следы.»

И правда, как я не подумала про наши следы. Утром кто-то приедет сюда и сразу увидит, что волк ушёл в лес. Нас моментально выследят.

— Тьфу ты, дурёха. Как я вообще могла об этом забыть?..
— подумала я.

Поставив волчонка обратно на землю, я досадливо мотнула головой и поковыляла обратно к фургону.

Я кружила вокруг пятен крови, мёртвых тел, следов лап и тяжёлых ботинок. В голове метались обрывки мыслей: «засыпать листьями невозможно, зима», «если затереть веткой, будет сразу видно». Всё равно найдут. И тут взгляд упал на водителя фургона, его тело показалось самым лёгким. «Прости,» — почему-то подумала я.

Я вцепилась зубами в край куртки на его плече, выволакивая мужчину наружу. Ткань была плотная, с металлическим привкусом крови. Передними лапами я упёрлась в снег и напрягла мышцы. Бок отозвался пульсирующей болью, но я не могла так просто сдаться. Сжав зубы, я потянула. Мёртвое тело оказалось тяжёлым, но всё же поддавалось: оно не сопротивлялось, просто скользило за мной, оставляя за собой

узкую борозду и капли крови. Я тянула его туда, где начинались деревья, шаг за шагом, стараясь точно повторять собственный след, чтобы перекрыть его человеческим и чтобы наш запах сменился другим.

Отчего-то я знала, что собаки идут по запаху крови. По самой сильной и самой свежей. Если найдут след человека, то, возможно, не пойдут в ту сторону, куда уйдём мы. И это даст нам немного времени.

Волчонка я усадила на спину мертвеца. Малыш поёжился, повозился, недовольно зафыркал, сморщив нос. Видно, что запах ему был противен. А потом он вдруг поднял голову, запрокинул назад — и... завыл.

Тонко, чуть сишло, он испустил настоящее победное завывание волка. По-щенячьему звонкое, срывающееся на писк, но в нём было всё: и гордость, и вызов, и какой-то странный восторг. Будто это он один победил всех.

Я подпрыгнула от неожиданности, выпустив одежду человека из пасти.

— Молчать! — рявкнула я на мелкого.

Волчонок прижал голову и затих, испуганно глядя на меня.

Следующие несколько метров прошли в тишине. Слышно было только моё надсадное дыхание.

А потом малыш чуть приподнял голову и тихо, почти шёпотом, снова победно запищал.

Я не выдержала — фыркнула, но уже не рявкала на него.

Была бы человеком — засмеялась бы. Инстинкты у этого мальчика, похоже, были сильнее, чем у меня.

У пролеска, где начинались заросли, я сбросила тело. Подхватила волчонка осторожно в зубы и прыжками начала пробираться вглубь леса. Бок пульсировал, лапы подкашивались, но я не останавливалась, потому что выбора у нас не было.

Вот только... куда идти дальше?

Слово «вода» вспыхнуло в сознании. Правильно, нужно найти воду. Она скроет запах, смоев наши следы и подарит нам шанс исчезнуть.

Глава 2

Волчица

Я шла почти на ощупь — на одних инстинктах, не думая, просто двигаясь вперёд. Лапы дрожали и подгибались подо мной. Каждое движение отзывалось ломотой в спине, тянущей болью в боку, тупыми уколами в лапах. В пасти — тяжёлый, тёплый комочек. Волчонок не пищал и не дёргался, только горячо дышал, а иногда, кажется, посапывал во сне. Мысль о том, что он доверял мне, зная, что я не уроню, кольнула где-то под рёбрами, но сил на рефлексию не осталось. Всё внимание было сосредоточено на том, куда ступают лапы и насколько крепко мои зубы держат волчонка. Я двигалась на автомате, а где-то глубоко внутри крутилась одна-единственная мысль: «Найти воду».

И в какой-то момент она, эта уверенность, вспыхнула — там, впереди, вода. Её ещё не было видно, но я уже почувствовала: пахнет холодом, жизнью и движением. Там можно будет напиться, укрыться и пройти по течению вверх, спрятав следы.

Я ускорила, насколько позволяли изодранные в кровь лапы, опустив хвост и прижав уши. Ветки хлестали по бокам. И вдруг откуда-то из-за кустов донёсся знакомый звук — тихий, успокаивающий плеск. Я протиснулась сквозь ветви и остановилась. В просвете между деревьями, освещён-

ном бледным серым рассветом, лежало поваленное дерево, поросшее мхом. А под ним — тонкая, быстрая полоска воды. Ручей. Он казался ледяным даже на вид.

Я осторожно опустила волчонка на широкую поверхность ствола. Он тут же шевельнулся — сонный, тёплый — и начал, пыхтя, разворачиваться ко мне пушистой попой, явно прикидывая, как бы слезть.

— Нет! — вырвался у меня глухой, угрожающий рык. Я сама вздрогнула от того, насколько мой рык показался резким и грубым.

Малыш замер, внимательно наблюдая за мной.

Я встала перед ним, заслоняя от потока. Шерсть на загривке стояла дыбом, а внутри всё дрожало: вдруг сорвётся? или упадёт в воду, а я не успею его подхватить... Почему я так испугалась? Я не знаю. Одно я знала точно: если бы он полетел в воду, я бы прыгнула следом за ним, не раздумывая. Но где-то глубоко внутри жило странное предчувствие, что я не умею плавать. Будто вода — не просто преграда, а опасность. И если мы оба окажемся в ней, всё может закончиться очень плохо.

Волчонок ещё немного понаблюдал за мной... потом поджал лапки и лёг. Только тогда я позволила себе развернуться и впервые за последние сутки вдохнула всей грудью.

Воздух был холодный и влажный, пах мхом, корнями... и чем-то ещё, тёплым и съедобным. Запах ударил в нос так неожиданно, что живот свело голодной судорогой. Точно,

волчонка нужно напоить, но сначала — накормить. А еду надо... поймать. Где-то у берега что-то копошилось, маленькое и юркое.

«Добыча,» — прошептал голос внутри.

Я отпустила инстинкты на волю и присела, почувствовав, как напряглись мышцы. Прыжок. Лапы — вперёд, и вот сердце зверька уже стучит прямо под когтями.

Я наклонилась... И в ту же секунду меня словно ударило током: мышь. Мои глаза испуганно расширились. Я рефлексивно отшатнулась. Добыча выскользнула из лап и нырнула в корни деревьев.

— Мышь?! Ааааа! — взвизгнула я, отпрыгивая назад, запнулась о ветку, потеряла равновесие и кубарем полетела в кусты.

Я вскинулась, отряхивая лапы и брюхо от веток и липкого снега. Всё тело ломило, бок тянул, задняя лапа подрагивала.

Позорище. Ну как так-то? Волчица, хищник, а боится не человека с пистолетом, а мыши?!

Я уже собиралась было вернуться к охоте, как вдруг услышала сзади тонкий писк. Обернулась — волчонок смотрел прямо на меня и... радостно скалился, улыбаясь.

— Весело тебе, да? — проворчала я, не сдержавшись. — Смейся, мелкий. Я вот тоже в восторге. Кажется, наш ужин сбежал.

Я не злилась. Да и как тут злиться? Со стороны я, должно быть, выглядела ужасно нелепо.

Фыркнув, я подошла к ручью и сделала пару глотков ледяной воды, что обжигала нутро. Но вместе с ней пришло простое понимание: я должна накормить волчонка. Ведь не обязательно есть самой. Пусть волчонок поест. У него, в отличие от меня, с мышами проблем нет.

Собравшись с духом, я вернулась на охоту, которая на этот раз прошла успешнее. Удалось прижать какого-то грызуна — не мышь, а зверёк покрупнее. Он пищал, извивался и пах страхом, но я не дала себе времени на размышления. Просто наклонилась, и несмотря на омерзение, схватив зубами, принесла трофей волчонку. Тот вцепился в тушку и начал с энтузиазмом жевать. Даже рычал немного, мой маленький львёнок.

Я села рядом, наблюдая. Вот и моя первая настоящая охота. Не знаю, может раньше были и другие, но я-то их не помню. Волчонок ел громко, с причмокиванием и урчанием. Ушки двигались, шерсть на мордочке была вся в крови, как у дикого зверя. Когда он доел, от тушки осталась только шерстка и пара косточек. Волчонок довольно уткнулся носом в лапки и стал облизываться.

— Ну ты и грязнуля, — пробормотала я, подхватывая его за шкуру и относя к ручью. Остановилась у самого берега — на мелководе. Быстрая, ледяная вода была почти чёрной в предрассветной дымке.

— Иди, побегай, — рыкнула я. И, к моему изумлению, он послушался. Встряхнулся, обрызгав меня, и, радостно

взвизгнув, засеменял вдоль берега, с опаской ступая лапами по земле и мелким камням, потом всё смелее. Малыш плескался, пыхтел, закапываясь носом в ил, пил, чихая и отфыркиваясь.

Убедившись, что малой в порядке и не собирается лезть глубже, я тоже напилась — жадно, большими глотками. Потом принялась смывать с лап и морды кровь, грязь и резкий запах недавней охоты. Залезать в воду полностью я не решилась — не знала, смогу ли потом согреться. Хоть и хотелось до ломоты в костях смыть с себя не только кровь, но и все ужасы этой страшной ночи. Но хотя бы умылась... и то хорошо. Меня клонило в сон. Усталость давила всё сильнее. Мысли путались, лапы потяжелели, веки сами собой смыкались.

Я улеглась у поваленного дерева, запихнув волчонка под бок. Он, довольный, заурчал, а потом снова выполз. Влез мне под морду. Лизнул в шею. Я снова запихнула его под бок, но он опять вылез.

— Ну и что тебе надо, а? — пробурчала я.

Он снова уткнулся мордочкой мне в горло, прижался и замер, тёплый и доверчивый до невозможности. И я снова почувствовала этот странный толчок где-то под рёбрами.

Я догадывалась, что ему нужно, но долго не решалась. Всё ещё боролась с собой — кто я теперь: зверь или человек? Но на третий его заход сдалась. Осторожно провела языком по его мордочке — один раз. Потом ещё. Он замер, будто даже

не дышал. А я вдруг почувствовала, как внутри меня... что-то отпускает. Как будто напряжение, сжавшееся в тугий узел с тех пор как я очнулась в клетке в фургоне, понемногу расплетается. Я вылизывала шерсть щенка, а тот урчал, как довольный кот. Это не казалось неприятным. Волчонок быстро разомлел и вскоре уснул.

Я лежала рядом, слушая, как где-то в лесу потрескивают ветки, как далеко кричит сова. Было тревожно, но не страшно. Я не чувствовала опасности.

А когда забрезжил рассвет, я подтянула волчонка ближе, положила на него морду... и позволила себе подремать хотя бы часок.

Я проснулась резко, рывком, чувствуя, как громко стучит сердце и дрожит тело. Грудная клетка сжималась от страха. Волчонок нигде не было.

Я вскочила, лихорадочно осматриваясь. Никого. Бросилась к ручью, чувствуя, как в ушах шумит кровь.

— Нет... Нет! — пронеслось в голове. — Он же... утонет.

И тут я увидела... его.

У самого ручья, спиной ко мне, на краю воды стоял ребёнок. Маленький. Худенький. Совсем голенький, с торчащими лопатками и светлой кожей. Он что-то бормотал себе под нос, перебирая в руках мокрые палочки и бросая их в воду. Он размахивал руками, как будто играл в какую-то игру. Тёмные вьющиеся волосы свалились в вихры. Спина — в грязи. Ноги — в ссадинах. Ручки тонкие, как у птенца.

Я замерла.

Голова закружилась. Я сделала шаг вперёд и снова застыла. Это он? Это... мой волчонок?

Нет. Нет, так не бывает. Он же зверь. У него были лапы, хвост, крохотные клыки... А сейчас в нескольких метрах от меня стоял ребёнок лет пяти.

Мозг отказывался это принимать. Пульс бился в ушах, дыхание перехватывало.

Я сделала ещё несколько осторожных шагов, присела и тихо рыкнула, подзывая, как раньше.

Ребёнок обернулся, увидел меня и вдруг сорвался с места. Он бросился ко мне, крепко сжимая в руке палку.